

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.С. Малахов

*д.полит.н., профессор, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Москва*

М.Е. Симон

*к.полит.н., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Москва*

К ГЕНЕАЛОГИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ РАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается коллизия между двумя исторически укоренившимися в российской правительственной практике подходами к управлению трудовой мобильностью. Первый – *централизованно-полицейский* – делает ставку на рестриктивные методы, поскольку базируется на допущении, что миграция представляет собой, прежде всего, угрозу безопасности. В рамках второго – *децентрализованно-либерального* – трудовая мобильность понимается как ресурс – причем не только экономический и демографический, но и культурный, а также повышения человеческого капитала. Сторонники либеральной миграционной политики исходят из того, что рынок намного более гибок и объемнее, чем это видится из чиновничьих кабинетов. Понимая два этих подхода как идеальные типы, авторы обнаруживают ту или иную степень присутствия каждого из них в миграционной политике имперского, советского и постсоветского периодов. В статье прослеживается преемственность нынешних практик «управления населением» в России по отношению к предшествующим историческим эпохам.

Ключевые слова: *миграционная политика, трудовая миграция, демографическая политика, правительственная рациональность, Россия, ЕАЭС, постсоветское пространство.*

Классификация JEL: F22, J61, J68, O15.

Введение

В центре внимания данной работы – практики «управления населением» в современной России с точки зрения их преемственности по отношению к аналогичным советского и имперского периодов российской истории. Еще в XIX столетии в правительственном мышлении (*governmentality*)¹ выкристаллизовалась коллизия между *условно либеральным*

¹ Неологизм «governmentality», образованный посредством контаминации двух слов – «governmental» (правительственный) и «mentality» (способ мышления), был изобретен Мишелем Фуко (Фуко, 2010, 2011) для исследования эпистемологических установок (связей между конкретными формами знаний и власти), опосредующих конкретные административные методы. Интересный перевод этого термина – «правительственность» – был предложен русскими издателями книги Митчелла Дина (Дин, 2016), являющегося последователем Фуко. Однако в настоящей статье будем пользоваться понятием «правительственная рациональность». В настоящее время оптика governmentality активно применяется в миграционных исследованиях (см: [Nonini, 2002; Hoang, 2016; Inda, 2006]). Мы, в свою очередь, применили этот подход в одной из своих недавних англоязычных статей. См.: [Malakhov, Simon, 2017].

и условно консервативным подходами к управлению населением. Она, пусть и в сильно измененном виде, прослеживается и по сей день. Первый подход исходит из представления об обществе как самоорганизующемся целом; деятельность политических управленцев здесь понимается как способствование этим процессам – обществу надо лишь помочь развиваться в определенном направлении (поощряя желательные тенденции и оставляя на самотек – или по возможности блокируя – нежелательные). Второй подход, напротив, основан на допущении, что общество изначально нуждается в жестких рамках, поддерживающих его стабильность; всякое спонтанное развитие чревато дестабилизацией и потому подлежит ограничениям.

С приходом к власти коммунистов либеральный подход, по понятным причинам, практически исчез из повестки дня: восторжествовали командно-административные практики в управлении демографическими и миграционными процессами (запрет аборт в 1930-е гг., привязка населения к месту жительства через систему «прописки», фактическое возрождение крепостничества в деревне – из-за отсутствия у крестьян паспортов, насильственные перемещения социальных и этнических групп – раскулачивание 1930-х гг., депортации 1940-х гг.). Правда, по окончании правления Сталина в этих практиках появляются и элементы стимулирования: программы освоения новых земель предусматривали целую систему материальных поощрений для переселенцев (целинников, работников Крайнего Севера и т.д.).

В постсоветской России противостояние «либералов» и «консерваторов» выражается в виде конкуренции двух логик: *развития* и *безопасности*. На рубеже 1990–2000-х гг. имела место дискуссия относительно стратегии миграционной политики, в ходе которой выдвигалась вполне либеральная программа. Однако победили консерваторы, в результате чего в 2002 г. были приняты законодательства о гражданстве и о миграции, выполненные в логике безопасности. В 2006–2007 гг. произошла очевидная либерализация подхода к миграционному регулированию, однако этот тренд довольно скоро свернулся. В 2010-е гг. наблюдается эклектическое сочетание обеих логик по принципу «шаг вперед, два шага назад». В высшей степени симптоматично, что ключевое препятствие на пути легализации труда мигрантов связано с институтом регистрации, по-прежнему сохраняющим рудименты советского института «прописки».

В декабре 2010 гг. на саммите ЕвразЭС главы России, Беларуси и Казахстана заявили о запуске проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого должны быть устранены препятствия для передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Взаимодействие в форме Таможенного союза придало новые импульсы процессам реинтеграции постсоветского пространства. Выступая в роли локомотива интеграционного строительства, Россия претворяет в жизнь принципиально новую для нее модель многоуровневого управления (*multi-level governance*), приходящую на смену монополии централизованного государственного администрирования (*government*). Передвижение людей внутри ЕАЭС больше не может рассматриваться сквозь «полицейские очки». Общая миграционная политика строящейся интеграционной группировки должна создавать «правила игры», своеобразные правовые рамки, внутри которых мигранты, как экономические агенты, могут свободно принимать решения. Такая политика является антиподом государственного интервенционизма, подчиненного логике преследования сиюминутных конъюнктурных целей.

Тем не менее ключевая проблема миграционной политики России заключается в противоречии между расширением / углублением евразийской интеграции и инерцией государство-центричного подхода, характерного для части российских элит. Развитию прозрачных механизмов легализации труда иностранных граждан, дебиюрократизации миграционной службы, а также распространению льготного режима трудоустройства на граждан государств – потенциальных членов ЕАЭС препятствует оглядка властей на

непопулярность разрешительных мер в области миграционной политики. Рестриктивная управленческая логика обусловлена предубеждениями в отношении мигрантов, а также подспудным стремлением к доминированию над соседями. Отдельного внимания заслуживает обсуждение вопроса о том, насколько углубление и расширение евразийской интеграции может способствовать решению проблемы масштабной депопуляции², с которой Россия столкнется в ближайшие десятилетия.

1. Российские демографические и миграционные тренды в исторической перспективе

Имперский период

Население становится предметом заботы государства в России лишь немного позднее, чем в странах Западной Европы – в начале 18 столетия (о населении как объекте управления см.: [Фуко, 2010, 2011]). Петр Великий инициирует в 1817 г. первую всеобщую «ревизию податных душ», т.е. облагаемых налогами подданных империи [Чистов, 2003. С. 281]. Этот аналог современной переписи³ можно считать первым мероприятием российской власти по управлению таким специфическим объектом, как «население».

Управленческие усилия в дореформенный период не затрагивали рождаемости (регулирование последней начнется лишь в советскую эпоху), они касались, прежде всего, пространственной мобильности. С одной стороны, последняя была существенно ограничена крепостным правом: крестьяне не имели возможности покидать «своего» помещика (а так называемые «государственные крестьяне» – предприятие, к которому были прикреплены), городские низы также не располагали правом на свободу передвижения. С другой стороны, задача освоения территорий на периферии империи – как необжитых на востоке, так и заселенных нерусским населением на юге – требовала от властей нетривиальных решений. Она решается не только и не столько с помощью репрессивных практик (ссылки и каторжники, которые становятся первыми русскими переселенцами в Сибири⁴), сколько за счет относительной терпимости государства к самовольным перемещениям низших сословий [Ахиезер, 2005]. Известны и случаи, когда государство поощряло переселение крестьян в определенные регионы⁵, создавая для них льготные условия: «денежные пособия «на обзаведение», временное освобождение от уплаты податей и от обязанности поставлять рекрутов [Кабузан, 2004].

Вместе с тем власти поощряют хозяйственное освоение восточных окраин империи эмигрантами. В 1763 г. создается Канцелярия опекунов иностранных переселенцев, целью которой является оказание содействия европейским колонистам, готовым переселиться в Россию; в Нижнем Поволжье это в основном немцы, а на южных рубежах – сербы, молдаване и венгры [Ивахнюк, 2009].

В пореформенной России (в последней трети XIX в.) – в эпоху интенсивной индустриализации – наблюдается активное поощрение иммиграции из Западной и Центральной Европы (в основном из Германии). В то же время происходит достаточно интенсивная эми-

² В особенности это касается убыли трудоспособного населения. Суммируя данные различных прогнозов, его численность к 2030 г. сократится на 11 млн чел. (с 2012 г.) [Андреев, Вишневецкий, 2014].

³ В отличие от современной процедуры переписи населения тогдашние «ревизии» касались только «податных сословий» (крестьян и мещан), не затрагивая освобожденных от податей слоев общества. Первая перепись в современном значении слова пройдет в России лишь в 1897 г.

⁴ Эта практика получает законодательное оформление при Екатерине II, в 1760-е гг. См.: [Указ от 13 декабря 1760 г. Цит. по: (Российское ..., 1986)].

⁵ Земли на северо-западном берегу Черного моря (с 1830-х гг.), на Северном Кавказе (с 1840-х гг.) и к югу от Кубани (с 1860-х гг.).

грация из России, обусловленная дискриминацией этнических меньшинств. Правительство Александра III, взявшее в начале 1880-х гг. курс на русификацию окраин, подтолкнуло к массовому отъезду за границу представителей нерусских народов⁶.

Таким образом, в имперский период складывается *два подхода к технике управления населением: централизованно-полицейский и децентрализованно-либеральный*. Если сторонники полицейского подхода делают ставку на репрессивные меры, то приверженцы либерального пытаются осуществить государственные задачи, опираясь на добровольные решения людей. Впрочем, ни один из подходов не существовал в чистом виде. Так, Петр Столыпин, занимавший пост министра внутренних дел с 1906 по 1911 гг., проводил вполне «либеральный» курс на повышение качества собственности крестьян, их превращение в самостоятельных экономических субъектов, а также поощрение их добровольного перемещения в Сибирь с целью освоения этого региона. Однако тот же Столыпин охотно опирался на «полицейскую» технику управления (в частности, отличившись суровостью в подавлении мятежей).

Советский период

После 1917 г. процессы внешней миграции минимизируются. Добровольная эмиграция в сталинский период становится практически невозможной⁷, а с «либерализацией» в эпоху Хрущева и Брежнева остается крайне затрудненной. По сути, она касается лишь выезда из страны представителей ряда этнических меньшинств – в основном, евреев, немцев и греков (при Горбачеве также армян)⁸.

При советской власти никогда не была сколько-нибудь значительной и иммиграция. Поначалу в СССР на постоянное жительство въезжали преследуемые на Западе активисты коммунистического движения (первое заметное событие такого рода – прием детей испанских республиканцев после 1936 г.). На исходе коммунистического периода появляется и феномен трудовой миграции: в 1980-е гг. на текстильные фабрики в Иваново приглашаются «гастарбайтеры» из Вьетнама.

Для советского периода характерно *преобладание полицейского подхода* к демографическим и миграционным проблемам. В эпоху правления Сталина этот подход полностью исключает какие-либо альтернативы. Советские коммунисты первых послереволюционных десятилетий были убеждены в безграничных возможностях управления населением, воспринимая последнее как абсолютно пассивный объект административных решений. Отсюда проистекает их охотное обращение к репрессивным практикам, включая насильственные перемещения огромных масс людей. Это, *во-первых*, депортации, к которым советское руководство, не задумываясь, прибегало, когда речь шла о «враждебных» строю и опасных для советской власти группах (будь то реальная или вымышленная опасность). Жертвами депортаций в разное время становились: казачество (1920-е гг.), «кулаки» в период коллективизации 1929–1932 гг. (не только зажиточные крестьяне и их семьи, но и все, кого приравнивали к этой категории), а также различные этнические группы, подверженные «превентивным» переселениям в предвоенный (конец 1930-х гг.)⁹ и военный

⁶ Помимо евреев, этот процесс затронул население западных окраин империи – немцев, поляков, финнов и литовцев.

⁷ В числе редких исключений – разрешение Михаилу Замятину покинуть Советский Союз в 1931 г. – после личного письма Сталину.

⁸ В период с 1981 по 1986 гг. СССР покинуло 44 тыс. чел. (евреи – 17 тыс., немцы – 20 тыс., армяне – 6 тыс., греки – 1 тыс. чел.). По мере либерализации в перестроечный период эмиграционный отток возрос. С 1987 по 1990 гг. он составил 685 тыс. чел. (евреи – 301 тыс., немцы – 308 тыс., армяне – 32 тыс., греки – 23 тыс., евангелисты – 18 тыс., прочие – 3 тыс.). См.: [Мукомель, 2005. С. 15].

⁹ Это финны, выселенные в 1935 г. из приграничной с Финляндией Карелии, и корейцы, депортированные в 1937 г. из Дальневосточного края в Среднюю Азию.

периоды [Полян, 2001]¹⁰. Во-вторых, формой принудительных миграций можно считать использование большевистским режимом труда заключенных ГУЛАГа. Ведомство Ягоды–Ежова–Берия на регулярной основе поставляло рабочую силу на все крупнейшие стройки¹¹.

Воображая население бесконечно воспроизводимым ресурсом, большевистское руководство полагало возможным перемещать различные его «контингенты» с места на место, совершенно не заботясь о демографическом воспроизводстве. Массовые репрессии (как в виде депортаций, так и в виде долгосрочного лишения свободы) уже в середине 1930-х гг. привели к существенным потерям населения. Перепись 1937 г. оказалась для властей неприятным сюрпризом: переписчики не досчитались, по меньшей мере, 8 млн чел. (причем лишь в период между 1934 и 1937 г. была зафиксирована убыль населения в 6 млн чел.)¹². Результаты переписи были объявлены «дефектными» (их, разумеется, не предали огласке), а ее организаторов арестовали как «контрреволюционеров» (причем руководителей Центрального управления народнохозяйственного учета впоследствии расстреляли) [Волков, 1990].

С концом сталинской эпохи полицейская логика «управления населением» отходит на второй план. Государство не только перестает делать ставку на репрессии, но и дополняет административно-командный подход к демографическим и миграционным вопросам соображениями экономической рациональности.

Начиная с середины 1950-х гг. в СССР осуществляется переход от принудительных миграций к добровольным и квазидобровольным¹³. Отныне вовлечение в хозяйственную деятельность неосвоенных территорий, равно как и строительство новых промышленных объектов и транспортных магистралей, опирается на систему «оргнабора», в основе которой лежит материальное стимулирование людей. Внутренние трудовые мигранты, отправляющиеся на освоение целины, строительство Братской ГЭС, Красноярского алюминиевого завода или Байкало-Амурской магистрали¹⁴, могли рассчитывать на заработную плату, которая вдвое и больше превышала среднюю по стране, солидные «подъемные» выплаты и т.д.

Вместе с демонтажем сталинской системы управления происходит и постепенный отход государства от жесткого ограничения свободы передвижения граждан. Речь идет о паспортном режиме, установленном в 1932 г. и основанном на системе «прописки» – такой регистрации индивидов по месту их жительства, которая по сути прикрепляла их к данному месту. Применительно к населению колхозов эта система фактически означала возврат к крепостному праву: жители советской деревни (за исключением некоторых совхозов, объявленных «режимными объектами») вообще не имели паспортов, а потому не могли покинуть место своего жительства без особого решения руководства – даже в целях

¹⁰ В 1940 г. с аннексированных Советским Союзом территорий Польши, Прибалтики и Румынии было выслано 275 тыс. чел. в Среднюю Азию и на север России. В 1943–1944 гг. в рамках «операций возмездия» за сотрудничество с фашистскими оккупантами были депортированы и лишены национальных автономий немцы Поволжья, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары. В 1944 г. аналогичным репрессиям подверглись турки-месхетинцы и курды, обвиненные в «эмиграционных настроениях». Общее число депортированных во время Второй мировой войны составило около 2 млн чел. – ¾ из них составляли женщины и дети [Ивахнюк, 2009. С. 15].

¹¹ Таким образом были построены Беломорско-Балтийский канал (1931–1933 гг.), Норильский горно-металлургический комбинат (1935–1939 гг.) и многие другие военно-промышленные объекты.

¹² Заметим, что это произошло до начала «большой чистки» 1937–1938 гг., во время которой около 1 млн чел. было расстреляно, не говоря уже о людях, получивших тюремные сроки.

¹³ Примером сочетания добровольности и принуждения (скорее идеологического, чем физического), практиковавшегося с первых десятилетий советской власти, можно считать организацию массового перемещения молодых людей по «комсомольским путевкам» на стройки пятилетки. Описание одной из них – Комсомольска-на-Амуре – приводится в романе Веры Кетлинской «Мужество» (1938).

¹⁴ Мы имеем в виду последний этап строительства этой дороги (1974–1984 гг.), когда БАМ была объявлена «всесоюзной комсомольской стройкой»; возводить же эту дорогу начали – силами заключенных – еще в конце 1930-х гг.

временного заработка (феномен «отходничества», известный российской деревне с царских времен, см.: [Отхожие промыслы, 1897. С. 472–475]). Формально паспортизация сельчан началась после соответствующего указа 1957 г., однако на деле полноценный паспорт советские крестьяне получили лишь во второй половине 1970-х гг. (а кое-где этот процесс растянулся до эпохи перестройки [Попов, 1996]).

Не стоит, однако, упускать из виду, что сама система «прописки» в постсталинскую эпоху не демонтируется. Государство использует ее для регулирования перемещений населения. Во-первых, целый ряд городов остается закрытым для переселенцев¹⁵. Во-вторых, данная система препятствовала самовольному переезду людей из периферийных регионов в центральные. Для того чтобы «прописаться» в том или ином месте, было необходимо заключить трудовой договор с конкретным государственным предприятием, а условием этого было наличие «прописки» в городе, где находилось данное предприятие – круг таким образом замыкался.

Впрочем, несмотря на искусственные ограничения внутренней мобильности, люди находили способы реализовывать свои жизненные стратегии. В частности, Москва, которая всегда была для россиян мощным миграционным магнитом, в течение всей советской эпохи испытывала практически такой же миграционный прирост, как до 1917 г. – в среднем около 100 тыс. чел. в год, за исключением тех лет, которые приходились на войны и революции [Зайончковская, 2009]. Симптоматично, что этот уровень миграционного прироста населения Москвы оставался стабильным с 1897 г. (первая российская перепись) вплоть до начала 2000-х гг. Если на рубеже XIX–XX столетий в российской столице проживало 1 млн человек, то на рубеже XX–XXI – 10 млн.

Завершая наш обзор советского периода, отметим следующее принципиальное обстоятельство. Репрессивные практики, на которые коммунистический режим опирался до смерти Сталина, не просто повлекли за собой огромную убыль населения – они оказали крайне негативное воздействие на будущую демографическую и социально-психологическую ситуацию. Дело не только в резком падении рождаемости и высоком уровне смертности, но и в потерях с точки зрения человеческого капитала. Императив создания общества «дешевого работника», которым так или иначе руководствовалась советская власть, сделал невозможной или резко затруднил самореализацию миллионов креативных людей [Ивахнюк, 2009]. По этой же причине в обществе постепенно, но неуклонно, ослабляется мотивация к участию в производстве, а в течение двух последних советских десятилетий активно формируется «второе общество» – теневая экономика и теневой рынок.

2. Миграционные процессы и миграционная политика в постсоветской России

Как масштабы, так и характер миграционных процессов, начавшихся на территории России после распада СССР, достаточно подробно описаны в ряде работ [Korobkov, 2007; Мукомель, 2005; Зайончковская, Мкртчян, Тюрюканова 2009; Malakhov, 2014], поэтому мы не будем подробно на этом останавливаться. Отметим лишь два принципиальных момента. 1. В начале 1990-х гг. имел место беспрецедентный иммиграционный приток в РФ из бывшей периферии «советской империи», в основном беженцев или людей, вынужденных переехать в Россию из невыносимых экономических условий. Государство взяло на себя соответствующие гуманитарные обязательства, но оно явно не было готово к такому наплыву людей – ни с финансовой, ни с организационной точки зрения. 2. Начиная со второй половины 1990-х гг.

¹⁵ Например, поселиться в Москве выходцы из других регионов страны могли лишь в качестве «лимитчиков», т.е. отработав определенный срок (обычно около 10 лет) на тяжелом и/или непрестижном производстве. В случае досрочного увольнения с работы «по лимиту» они утрачивали место в общежитии и право проживания в Москве.

трудовая миграция превалирует над вынужденной; приблизительно в тот же период формируются основные потоки иностранной рабочей силы. Страны-доноры – это постсоветские государства (прежде всего, Украина, Молдова, три страны Средней Азии – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, плюс страны Закавказья¹⁶), а также несколько государств из так называемого дальнего зарубежья (Китай, Вьетнам, Турция). Иностранцы оказались столь плотно встроены в российский рынок труда (в такой мере стали его частью), что кризис 1998 г. практически не отразился на иммиграционном притоке.

На рубеже 1990–2000 гг. в политическом и экспертном дискурсе оформляются две полярные позиции по отношению к внешней миграции: условные «силовики» (или «консерваторы») и «либералы» (или «реформаторы»). Первые являются носителями логики, согласно которой иммиграция представляет собой угрозу безопасности. Назовем ее *логикой безопасности*. Последняя понимается при этом предельно широко: от уровня преступности и конкуренции за рабочие места до угрозы культурной идентичности и присутствия на территории страны политически нелояльного населения. В *либеральной логике*, напротив, иммиграция осмысливается как ресурс – причем, не только экономический и демографический, но и культурный, повышения человеческого капитала. Сторонники либеральной миграционной политики привлекали внимание к тому, что российский рынок труда является гораздо более гибким и объемным, чем это представляется из чиновничьих кабинетов [Витковская, 1998]. Поэтому усилия государства должны быть сосредоточены не на ограничении иммиграционного притока, а на минимизации его нелегальной составляющей. Речь идет, в частности, о нелегальной занятости – поскольку в условиях безвизового режима с постсоветскими странами¹⁷ выходцы из них въезжают в Россию законно, но могут при этом незаконно работать. Сторонники либеральной позиции были тогда достаточно широко представлены и в бюрократических, и в экспертных кругах, активно участвуя в обсуждении желательного курса государства в сфере миграционного регулирования. Однако победили консерваторы, и миграционное законодательство, принятое в 2002 г., носило жесткий ограничительный характер (т.е. было выдержано в логике безопасности). В результате в течение 2003–2005 гг. статистика ФМС фиксирует резкое снижение количества иммигрантов на российском рынке труда – хотя, конечно, было очевидно, что дело заключалось не в числе занятых, а в числе зарегистрированных. Это означало, что принятые меры не только не помогли сократить масштабы незаконной занятости, но и привели к их увеличению. Осознав это, государство делает довольно решительный шаг в русле либеральной логики. В июле 2006 г. принимаются поправки к миграционному законодательству (вступившие в силу в 2007 г.), которые значительно облегчают легальный вход мигрантов на российский рынок труда¹⁸. Кроме того, в 2007 г. была радикально увеличена квота на использование иностранной рабочей силы (более 6 млн чел.), что теоретически позволяло оформить разрешение на работу практически всем желающим. Однако не прошло и года, как «консерваторы» отыграли упущенные позиции, и за либеральными последовали прямо противоположные меры¹⁹.

¹⁶ Люди из бывших советских республик составляют около 5% миграционного притока в Россию (см.: [Mihaylova, 2016]). Объем работников из стран дальнего зарубежья постепенно снижается начиная с 2007 г., когда были приняты законы, предоставляющие преференции приезжающим их безвизовых стран. Если исходить из количества выданных разрешений на работу и патентов в период с 2010 по 2014 годы, то 83–86% из числа занятых на российском рынке труда составляют граждане стран СНГ (см.: [Труд и занятость в России, 2015]).

¹⁷ Безвизовый въезд в Россию имеют граждане всех стран СНГ, за исключением Грузии и Туркмении.

¹⁸ Меняются правила регистрации: отныне мигрантам из безвизовых стран достаточно уведомить власти о своем нахождении в России по определенному адресу, послав документы по почте. Законное пребывание в течение 90 дней могло быть продлено сроком до 1 года в случае, если мигрант нашел работу.

¹⁹ В середине 2008 г. квота была произвольно уменьшена вдвое, что автоматически вытолкнуло за пределы правового поля целую армию трудовых мигрантов. В 2009 г. и позднее были приняты поправки к закону «Об учете иностранных граждан», которые ужесточали правила регистрации. По сути, это было движение не в сторону отказа от советской системы прописки (разрешительной регистрации), а в сторону ее завуалированного восстановления.

В дальнейшем эта ситуация повторялась многократно. Так, в русле либеральной логики могут быть прочитаны следующие решения. В 2010 г. вводится система патентов: желающий работать у физического лица мигрант может его купить (стоивший тогда 1 тыс. руб. в месяц), получать разрешение на работу не требуется. В 2014 г. режим квот полностью заменяется режимом выдачи патентов: разрешением на работу (будь то у физического или у юридического лица) является приобретаемый мигрантом патент. Однако эти меры не являются системными, отражающими последовательный курс на либерализацию миграционного регулирования. Во-первых, процедура получения разрешения на работу после введения патентов не только не упрощается, но, напротив, ощутимо усложняется. Во-вторых, принимаются законы, существенно усложняющие жизнь мигрантов. Это и так называемый «закон о резиновых квартирах», обязывающий человека проживать по тому же адресу, по которому он зарегистрирован (условие, невыполнимое для большинства мигрантов), и «заккрытие въезда» – запрет на въезд в Россию в случае совершения более двух административных правонарушений, независимо от степени тяжести. В итоге на начало 2016 г. в списках «невъездных» насчитывалось более 1 млн 300 тыс. чел. – среди них немало людей, совершивших мелкие провинности и даже не подозревавших о том, что они в эти списки попали, до момента пересечения границы в российскую сторону²⁰.

Корень проблемы, по мнению многих экспертов, в чрезмерно сложных – непрозрачных и бюрократизированных – правилах регистрации иностранных работников. (Не говоря уже о непрозрачных и отягощенных коррупцией практиках применения этих правил.) Вполне может статься, что дело не столько в консерватизме «силовиков», сколько в элементарных материальных интересах. Уместно говорить о *производстве нелегальности* – об институциональных условиях, выталкивающих трудовых мигрантов в тень [Malakhov, Simon, 2017]. Как отметил в личном разговоре один бывший чиновник ФМС, регулирование миграции – это большая нефтяная вышка, и те, кто на ней работают, очень недурно зарабатывают²¹.

В 2000-е и в особенности в 2010-е гг. возникает фундаментальная коллизия, прямо связанная с миграционной политикой – между евразийской интеграцией и национальным суверенитетом. Вступление в силу договоренностей о создании Таможенного союза (ТС) России, Беларуси и Казахстана в июле 2010 г. стало поворотным событием с точки зрения формирования нового управленческого мышления. Интеграционное развитие предполагает диверсификацию управления, транспарентность принятия решений и независимый арбитраж со стороны наднациональных органов. Провозгласив курс на создание нового политического и экономического объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС), российское руководство тем самым продемонстрировало готовность обеспечить свободное передвижения товаров, капиталов, услуг и людей из стран – участниц союза на ее территории. Членами ЕАЭС, наряду с Россией, Казахстаном, Беларусью, являются также Армения (с 2014 г.) и Кыргызстан (2015 г.). О своем намерении присоединиться к союзу объявлял Таджикистан. Этой логике, однако, не слишком соответствует логика суверенитета или, если угодно, уже упомянутая выше логика безопасности. И в политическом, и в публичном дискурсе широко распространено негативное отношение к тому факту, что российская граница является прозрачной для постсоветской Центральной Азии. Высказывается требование обустроить границу между РФ и Казахстаном, а в качестве первоочередного шага в этом направлении – ввести визовый режим со всеми цен-

²⁰ Кроме того, в этих списках оказались и люди, уже заплатившие штраф за свое правонарушение, т.е. таким образом наказываемые за одно деяние дважды (что, кстати, противоречит Конституции).

²¹ Отдельного разбора в этой связи заслуживает вопрос о деятельности посреднических организаций, предлагающих свои услуги по оформлению разрешительных документов. Они значительно экономят время мигранта, но на порядок увеличивают стоимость процедуры.

тральноазиатскими государствами. Понятно, что подобные меры означали бы полный крах евразийского проекта, поэтому они обсуждаются скорее оппозиционными и внесистемными политиками, чем внутри политического мейнстрима²². Присутствие логики национальной безопасности, однако, косвенно ощущается и на уровне официальной политики.

Судя по принимаемым в настоящее время решениям, российские управленцы явно не в восторге от идеи обеспечить условия для беспрепятственного передвижения по территории России выходцев из Кыргызстана, Казахстана и других стран – членов ЕАЭС. Хотя граждане таких государств пользуются некоторыми преимуществами по сравнению с гражданами других государств²³, в своих контактах с российскими органами власти они наталкиваются на множество препятствий. Это, в частности, отказы в регистрации: по месту жительства (без которой невозможно получить разрешение на временное пребывание)²⁴; трудовой деятельности под тем или иным предлогом; предприятий малого и среднего бизнеса, создаваемых мигрантами. Чиновники (например, налоговой службы), которые создают такие препятствия, могут, конечно, делать это из чисто корыстных побуждений (ожидая взятки), но не менее важный мотив в данном случае – их убеждение в том, что мигрантов в России слишком много²⁵. Российский политический класс сегодня еще не свыкнулся с мыслью о том, что формирование наднационального объединения требует наднациональных институтов управления и, следовательно, часть функций по регулированию миграции должна быть делегирована органам ЕАЭС.

Можно констатировать, что гарантией привилегированного режима трудоустройства в России для граждан постсоветских государств на сегодняшний день является членство в Евразийском экономическом союзе. В 2015 г. было зафиксировано увеличение миграционного притока из стран – участниц ЕАЭС на территорию России и одновременное уменьшение числа иностранных работников из других государств СНГ. При этом Казахстан, Армения и тем более Беларусь не являются основными поставщиками рабочей силы для российского рынка труда, уступая первенство странам Центральной Азии. Учитывая неутешительные демографические прогнозы, в соответствии с которыми в ближайшее десятилетие убыль трудоспособного населения России может составить от 6 до 8 млн чел., ежегодный иммиграционный прирост²⁶ должен превышать нынешний на несколько десятков тысяч человек²⁷. Очевидно, что указанный прирост не может обеспечить и присоединившийся к ЕАЭС Кыргызстан. Основными донорами рабочей силы (как краткосрочной, так и долгосрочной) для России являются Узбекистан и Таджикистан. При этом шансы на вступление Узбекистана в ЕАЭС в настоящее время отсутствуют, а в отношении граждан Таджикистана вводятся все новые ограничения²⁸. В условиях слабой при-

²² Среди активных лоббистов такой политики – Владимир Милов, бывший крупный чиновник (замминистра энергетики), а ныне лидер внепарламентской партии «Демократический выбор».

²³ Они, в частности, не нуждаются в получении разрешения на работу (покупке патента).

²⁴ Оформить такую регистрацию в соответствии с требованиями закона сложно – например, потому, что владелец квартиры, снимаемой мигрантом, не хочет афишировать факт аренды или из-за того, что на данной площади зарегистрировано слишком много людей, или в связи с тем, что помещение, в котором живет мигрант, не признается пригодным для жилья.

²⁵ Подробнее об этом см.: [Malakhov, Simon, 2017].

²⁶ Превышение числа мигрантов, прибывших в страну для долгосрочного пребывания, над числом выбывших из нее. Также именуется «чистой» или «нетто-миграцией».

²⁷ Ежегодный миграционный прирост должен составлять не менее 340 000 тыс. чел. в течение ближайших десяти лет, а после 2025 г. возрасти до 400 000 [Зайончковская, Тюрюканова, Флоринская, 2011].

²⁸ В 2014 г. между Правительствами России и Таджикистана было подписано соглашение, согласно которому таджикские иммигранты наделялись правом получения разрешения на работу на срок до трех лет вместо одного года. После введения патентов эти преференции для них были отменены. Кроме того, с января 2015 г. граждане Таджикистана должны въезжать в Россию по заграничному паспорту, в то время как раньше они могли это делать, используя национальный.

влекательности России как страны иммиграции для граждан дальнего зарубежья²⁹ вопрос о нахождении ресурсов для преодоления демографического кризиса остается открытым. Тем не менее расширение и углубление процессов евразийской интеграции при условии обеспечения прозрачности управленческой системы может способствовать созданию каналов долгосрочной иммиграции в Россию. Модель свободного передвижения, в которой определяющую роль играют экономические (а не бюрократические) факторы, является альтернативой как краткосрочной миграции, так и переселенческой стратегии.

Вместо заключения: о возможности разрешения сложившихся противоречий

Миграция остается одним из важных каналов сохранения устойчивых взаимодействий между бывшими советскими республиками даже в условиях ухудшения официальных отношений между некоторыми из них. Традиционные маршруты внутрисоюзных «паломничеств» и механизмы культурной памяти пока еще связывают жителей этих республик воедино, однако при отсутствии инклюзивной иммиграционной стратегии эти нити неминуемо будут ветшать. Россия постепенно теряет роль иммиграционного магнита для стран Балтии, Молдовы, Украины и Грузии, в том числе, по геополитическим причинам. Российский политико-управленческий класс навряд ли в полной мере осознает нарастание конкуренции за рабочую силу из стран СНГ как с внешними для постсоветского пространства игроками – Китаем, Турцией и ЕС, так и с внутренними – в первую очередь, с Казахстаном.

Для того чтобы утвердиться в роли безусловного локомотива реинтеграции постсоветского пространства, России необходимо не только устранить препятствия на пути передвижения и трудоустройства жителей стран – членов ЕАЭС на ее территории, но и не отталкивать граждан тех государств, которые еще не присоединились к этому интеграционному объединению. Создание прозрачных и устойчивых правил игры, благоприятного климата для иностранных работников и предпринимателей является гарантией сохранения стабильных отношений с внешнеполитическими партнерами, приобретения новых союзников. Инвестирование усилий в интеграционное строительство дает России шанс впервые в ее истории не зависеть от колебаний политического курса (между консервативным и либеральным полюсами). Система *многоуровневого и диверсифицированного управления* позволяет блокировать коррупционные механизмы благодаря возможности аудита со стороны наднациональных органов, а также предполагает создание платформ для открытого обсуждения решений в миграционной сфере с участием всех заинтересованных сторон (представителей национальных правительств, бизнеса, мигрантских организаций, профсоюзов, НПО).

Наднациональные институты миграционного регулирования, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Суд ЕАЭС должны располагать полномочиями подвергать санкциям (например, ощутимым штрафам) те органы власти, которые замечены в дискриминации граждан стран-участниц, перемещающихся в границах союза с целью трудовой деятельности. Препятствия на пути создания мигрантами предприятий следует рассматривать как особенно серьезное правонарушение. Кроме того, в рамках ЕАЭС следует незамедлительно создать единую информационную платформу, опираясь на которую жертвы нарушений могли бы подавать жалобы не только в суды национальной юрисдикции, но

²⁹ Потенциал миграционного притока из таких стран, как Китай, Вьетнам, Афганистан, КНДР, Индия, Пакистан и Бангладеш, совокупно оценивается не выше чем 30 тыс. чел. в год. О привлекательности России для долгосрочных мигрантов из стран ОЭСР говорить не приходится.

и в Суд ЕАЭС, а также обращаться с онлайн-петициями в ЕЭК. Эффективному мониторингу случаев нарушения прав работников из стран – членов ЕАЭС могло бы способствовать создание соответствующих национальных агентств.

Силовые структуры стран – участниц Евразийского экономического союза, координируясь друг с другом, должны сфокусироваться на обеспечении безопасности общих границ интеграционного объединения. Соответственно основная часть вопросов миграционной политики должна находиться в ведении Министерств труда, образования, строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Другим важным аспектом является *упрощение российского миграционного законодательства*. Сейчас оно крайне запутанно, что препятствует интеграции иностранных работников в рынок труда из-за непонимания «правил игры». Принимаемые (с периодичностью до нескольких раз в год) поправки делают законодательство еще более запутанным и потому трудно исполнимым. Необходим его радикальный пересмотр с целью *устранения всех положений, которые служат объективным препятствием прозрачным и свободным от коррупции отношениям на рынке труда*.

Следует исходить из безусловного приоритета экономического (рыночного) регулирования миграционных процессов над административно-бюрократическим. Это означает, что центр тяжести в миграционном регулировании должен быть *перенесен с отношения государство/мигранты на отношения работодатель/мигранты*. Роль государства должна сводиться к честному арбитражу – к наблюдению за тем, чтобы в этих отношениях не нарушалось законодательство (в частности, налоговое и трудовое).

Нахождение разумного баланса между эффективностью экономики и защитой национального рынка труда позволит *разрешить коллизию между экономической и политической рациональностями*. Общество должно видеть, что привлечение иностранной рабочей силы не является средством вытеснения российских работников («замещающая миграция», о которой много говорят правые популисты) и что оно не влечет за собой снижения жизненного уровня. В этой связи крайне важны как продуманные решения в сфере макроэкономической и региональной политики, которые приведут к экономическому росту, так и правильная информационная политика. Следует проводить информационные кампании для разъяснения выгод, приносимых иммиграцией, которые в конечном итоге превышают связанные с ней издержки.

Что касается борьбы с теневой занятостью, то она должна заключаться в *акцентировании внимания на стимулах, а не на запретах*. Это в равной мере касается решений в такой сфере, как развитие малого и среднего бизнеса. Опыт развитых стран показывает, что среди мигрантов широко распространена самозанятость. Организовывая предприятия малого бизнеса, мигранты создают новые рабочие места. Государство – прежде всего за счет средств налоговой политики – могло бы способствовать развитию такого бизнеса и формированию рабочих мест.

Один из серьезных вызовов экономического развития России – упадок производственной сферы. Хорошо известно, что львиная доля российского бюджета формируется за счет доходов от продажи энергоресурсов, доля же обрабатывающей промышленности весьма скромна. Эта сфера национальной экономики столкнулась с острой нехваткой квалифицированных специалистов среднего звена – ИТР. В обозримой перспективе эта нехватка будет лишь нарастать, поскольку российская молодежь не стремится получить инженерно-технические специальности. В этой ситуации представляется вполне разумным опереться на молодежь из ближнего зарубежья. Молодые люди из постсоветских стран могли бы занять места в российских вузах (среднеспециальных учебных заведениях), приобретя по их окончании профессии, востребованные народным хозяйством. Для этого, однако, необходимы нестандартные решения в сфере миграционной политики. Мы имеем в виду материальные и нематериальные стимулы. Это и преференции в получении

российского гражданства, и формирование благоприятной, дружественной мигрантам среды. На сегодня такая среда, к сожалению, отсутствует – люди, визуально отличные от принимающего населения, сталкиваются не только с бытовой ксенофобией, но и с риском нападений на почве расовой ненависти.

На сегодняшний день предпринимается очень мало усилий по интеграции новоприбывшего населения в российское общество – на уровне как символической, так и инструментальной политики³⁰. Более того, принимаются решения, блокирующие возможность интеграции мигрантов. Так, в январе 2015 г. Министерство образования выпустило приказ, согласно которому условием приема ребенка в школу является наличие у него (у его родителей) регистрации по месту жительства. А поскольку многие мигранты этому требованию не соответствуют, это влечет за собой отказ их детям в праве на образование. Государство должно расширять каналы доступа мигрантов к образованию, чтобы получить новых работников, а не создавать потенциальную армию маргинализированных подростков.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е., Вишневский А. (2014). Ближайшие демографические перспективы России / Демоскоп Weekly. №601–602. demoscope.ru/weekly/2014/0601/tema03.php (трудоспособное население рассчитано в границах 20–64 лет).
- Ахиезер С.М. (2005). Миграция в российской истории // Полития. №4. С. 70–76.
- Витковская Г.С. (1998). Вынужденные мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда // Миграция и рынки труда в постсоветской России / Г.С. Витковская. Научные доклады Московского Центра Карнеги. Вып. 25. М.: Московский центр Карнеги. С. 30–79.
- Волков А.Г. (1990). Перепись населения 1937 г. История и материалы / Экспресс-информация. Серия «История статистики». Вып. 3–5 (часть II). М. С. 6–63.
- Дин М. (2016). Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А. Писарева, под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Дело.
- Зайончковская Ж.А. (2009). Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата.
- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., Тюрюканова Е.В. (2009). Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж. Зайончковской и Г. Витковской. Центр миграционных исследований. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: Адамант. С. 9–62.
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. (2011). Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше // Миграционный барометр в Российской Федерации. №25. С. 30–70.
- Ивахнюк И.В. (2009). Российская миграционная политика и ее воздействие на человеческое развитие: история и современность // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 22. М.: Экономический факультет МГУ.
- Кабузан В.М. (2004). Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. №4 (19). www.strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoj-imperii.
- Лор Э. (2010) «Германское заимствование»: подданство и политика в области иммиграции и натурализации в Российской империи конца XIX – начала XX века / Пер. с англ. М. Лоскутовой / Imperium inter pares: Роль трансферов в российской империи / Под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. М.: НЛЮ. С. 330–353.
- Мукомель В.И. (2005). Миграционная политика России. Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. М.: Диполь&Т.
- Отхожие промыслы (1897) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб. Т. XXII.
- Полян П.М. (2001). Не по своей воле: история и география принудительных миграций. М.: ОГИ.

³⁰ Различие между символической и инструментальной политикой восходит к работам Никласа Лумана о бюрократии (см., например: [Luhman, 1964]). Под инструментальной политикой немецкий социолог понимал конкретные действия управленцев, а под символической – публичную риторику, призванную придать управленческой деятельности приемлемый образ в глазах общественности. В сфере миграционного регулирования символическая политика заключается, среди прочего, в периодических заявлениях чиновников о необходимости иммиграции, недопустимости дискриминации на рынке труда, пользе толерантности и т.д. Приходится, однако, констатировать, что подобные декларации не сопровождаются систематической медийной поддержкой.

- Попов В. (1996). Паспортная система советского крепостничества // Новый Мир. №6. magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html.
- Труд и занятость в России (2015). Статистический сборник. М.: Росстат.
- Указ от 13 декабря 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». Цит. по: Российское законодательство X–XX веков. (1986). Т. 5 / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература.
- Фуко М. (2010). Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука.
- Фуко М. (2011). Безопасность, территория население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука.
- Чистов К.В. (2003). Русская народная утопия. Генезис и функции социально-утопических легенд. СПб.: «Дмитрий Буланин».
- Hoang L.A. (2016). Governmentality in Asian Migration Regimes: The Case of Labour Migration from Vietnam to Taiwan, *Population Space and Place*, 23(3). doi.org/10.1002/psp.2019.
- Inda J. (2006). Targeting Immigrants: Government, Technology, and Ethics. Oxford: Blackwell.
- Korobkov A. (2007). Migration trends in Central Eurasia: Politics versus economics // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 40. No. 2. Pp. 169–189.
- Luhman N. (1964). Funktionen und Folgenformaler Organisation. Berlin: Duncker & Humdlot.
- Malakhov V. (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate // *Europe-Asia Studies*. Vol. 66. Issue 7. Pp. 1062–1079.
- Malakhov V. S., Simon M. E. (2017). Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality. *Int Migr*. doi:10.1111/imig.12402.
- Mihaylova I. (2016). Russia's New Concept of the State Migration Policy: Recommendations for Effectiveness of International Economic Migration; University of St. Gallen Law & Economics Working Paper No. 3. University of St. Gallen Law School, Law and Economics Research Paper Series.
- Nonini D.M. (2002). Transnational Migrants, Globalization Processes, and Regimes of Power and Knowledge // *Critical Asian Studies*. Vol. 34. No. 1.- Pp. 3–17.

Малахов Владимир Сергеевич

vmalachov@yandex.ru

Симон Марк Евгеньевич

mr.marksimon@gmail.com

Vladimir Malakhov

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Center for Theoretical and Applied Political Science of the Russian Academy of National Economy and Public Service, Moscow

vmalachov@yandex.ru

Mark Simon

Ph.D (political science), Leading Researcher of the Center for Theoretical and Applied Political Science of the Russian Academy of National Economy and Public Service, Moscow

mr.marksimon@gmail.com

TO THE GENEALOGY OF RUSSIAN MIGRATION POLICY: THE COLLISION BETWEEN TWO GOVERNMENTALITIES

Abstract. The article considers a collision between two historically rooted approaches to the regulation of labor mobility in Russia. The first approach – the *centralized-police* – relies on restrictive methods, while it is based on the assumption that migration is primarily a threat to security. The second – *decentralized-liberal* – is based on understanding that labor mobility is a resource – not only economic and demographic, but also cultural, as well as a resource for increasing human capital. Adherents of liberal migration policy assume that the market is much more flexible and voluminous than it is seen from bureaucratic offices. Considering these two approaches as *ideal types*, the authors reveal a certain degree of presence of each of them in the migration policy of the imperial, Soviet and post-Soviet periods. The article traces the continuity of the current practices of “population management” in Russia in relation to previous historical epochs.

Keywords: *migration policy, labor migration, population policy, governmentality, Russia, EAEU, post-soviet space.*

JEL Classification: F22, J61, J68, O15.

REFERENCES

- Andreev E. and Vishnevsky A.* (2014). Blizhayshiye demograficheskiye perspektivy Rossii [Russia's Near-Term Demographic Prospects] // *Demoscope Weekly*. No. 601–602, 2–15. June.
- Akhiezer S.* (2005) Migratsiya v rossiyskoy istorii [Migration in Russian History] // *Politiia*. No. 4. Pp. 70–76.
- Vitkovskaya G.S.* (1998). Vynuzhdennyye migranty iz novykh nezavisimyykh gosudarstv na rossiyskom rynke truda [Forced Migrants from Newly Independent States in the Russian Labour Market]. In *Vitkovskaya G. (ed.) Migration and the Labour Market in Modern Russia*. Scientific Reports of the Carnegie Moscow Center. No. 25. Pp. 30–70.
- Volkov A.* (1990). Perepis' naseleniya 1937 g. Istoriya i materialy [Population census of 1937. History and materials]. *Ekspress-informatsiia. Seriya "Istoriia statistiki"* (History of Statistics). Issue 3–5 (part II). Moscow. Pp. 6–63.
- Dean M.* (2016). *Pravitel'nost': vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality: Power and Rule in Modern Society]. Moscow: Delo.
- Zayonchkovskaya Zh.* (2009). *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow]. Kennan Institute. Moscow: Tri Kvadrata.
- Zayonchkovskaya Zh., Mkrtychyan N., Turukanova E.* (2009). *Rossiya pered vyzovami immigratsii* [Russia faces the challenges of immigration]. In: *Postsovietskie transformatsii: otrazheniye v migratsii* (Post-Soviet Transformations: Reflection in Migration). Ed. by Zh. Zayonchkovskaya and G. Vitkovskaya. Centre for Migration Studies, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Adamant. Pp. 9–62.
- Zayonchkovskaya Zh., Turukanova E., Florinskaya Y.* (2011). *Trudovaya migratsiya v Rossiyu: kak dvigat'sya dal'she* [Labour Migration to Russia: How to Move Further]. *Migratsionnii barometr v Rossiiskoi Federatsii* (Migration barometer in the Russian Federation). No. 25. Pp. 30–70.
- Ivakhnyuk I.* (2009). *Rossiyskaya migratsionnaya politika i yeye vozdeystviye na chelovecheskoye razvitiye: istoriya i sovremennost'* [Russian migration policy in the context of human development: History and modernity]. In: *Mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia: Rossia i sovremenniy mir* (International migration of population: Russia and the Modern World). Issue 22. Moscow: Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University.
- Kabuzan V.* (2004) *Dvizheniye naseleniya v Rossiyskoy imperii* [Movement of the population in the Russian Empire]. *Otechestvennye zapiski*. No. 4 (19). www.strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-imperii.
- Lor E.* (2010). «Germanskoye zaimstvovaniye»: poddanstvo i politika v oblasti immigratsii i naturalizatsii v Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX veka [“German Borrowing”: citizenship and politics in the field of immigration and naturalization in the Russian Empire of the late XIX – early XX century]. In: *Imperium inter pares: The role of transfers in the Russian Empire* // Ed. by M. Autus, R. Vilpius, A. Miller. Moscow: NLO. Pp. 330–353.
- Mukomel V.* (2005). *Migratsionnaya politika Rossii. Postsovetskiye konteksty* [Migratsionnaia politika Rossii: postsovetskiye konteksty (Russian migration policy: Post-Soviet contexts)]; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M.: Dipol'-T.
- Otkhozhie promisli* [Species crafts] (1897). In: *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. Saint-Petersburg. Vol. XXII.
- Polian P.* (2001). *Ne po svoey vole: istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy* [Not by choice: history and geography of forced migrations]. Moscow: OGI.
- Popov V.* (1996). *Paspornnaya sistema sovetskogo krepostnichestva* [Passport system of Soviet serfdom] // *Novii mir* (New World). No. 6. magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html.
- Trud i zaniatost' v Rossii* [Labor and employment in Russia]. (2015). Collection of statistics. Moscow: Russian Federal Statistics Service.
- Ukaz ot 13 dekabrya 1760 g. «O priyeme v Sibir' na poseleniye ot pomeshchikov, dvortsovykh, sinodal'nykh, arkhivereyskikh, monastyrskikh, kupecheskikh i gosudarstvennykh krest'yan, s zacetom ikh za rekrut»* [Decree of December 13, 1760 on the admission to Siberia for settlement from the landowners, palace, synodal, bishops, monastery, merchant and state peasants, with their reckoning for the recruitment]. Cited by: *Russian legislation of the 10th-20th centuries*. Vol.5. Ed. by O. Chistiakov. Moscow: Iuridicheskaya literatura (Juridical literature), 1986.
- Foucault M.* (2010). *Rozhdeniye biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France in 1978–1979]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Foucault M.* (2011). *Bezopasnost', territoriya naseleniye. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population. Lectures at the College de France in 1977–1978]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Chistov K.* (2003). *Russkaya narodnaya utopiya. Genesis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend* [Russian folk utopia. Genesis and functions of socio-utopian legends]. Saint-Petersburg: “Dmitrii Bulanin”.
- Hoang L.A.* (2016). *Governmentality in Asian Migration Regimes: The Case of Labour Migration from Vietnam to Taiwan, Population Space and Place*, 23(3). doi.org/10.1002/psp.2019.
- Inda J.* (2006). *Targeting Immigrants: Government, Technology, and Ethics*. Oxford: Blackwell.

- Korobkov A.* (2007). Migration trends in Central Eurasia: Politics versus economics // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 40 (2). Pp. 169–189.
- Luhman N.* (1964). *Funktionen und Folgenformaler Organisation*. Berlin: Duncker & Humdlot.
- Malakhov V.* (2014). Russia as a New Immigration Country: Policy Response and Public Debate // *Europe-Asia Studies*. Vol. 66. Issue 7. Pp. 1062–1079.
- Malakhov V.S., Simon M.E.* (2017). Labour Migration Policy in Russia: Considerations on Governmentality. *Int Migr.* doi:10.1111/imig.12402.
- Mihaylova I.* (2016). Russia's New Concept of the State Migration Policy: Recommendations for Effectiveness of International Economic Migration; University of St. Gallen Law & Economics Working Paper No. 3. University of St. Gallen Law School, Law and Economics Research Paper Series.
- Nonini D.M.* (2002). "Transnational Migrants, Globalization Processes, and Regimes of Power and Knowledge", *Critical Asian Studies*. Vol. 34. No. 1. Pp. 3–17.